

*Т. Н. Маркова\**

## РУССКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ РОМАН XX–XXI ВЕКОВ

Исторический роман остается наиболее устойчивой жанровой парадигмой в XX и в XXI веке. Русская история проецируется на современную автору реальность, обнаруживая созвучие удаленных друг от друга эпох. Актуальным способом репрезентации истории становится кинематографичность, сознательная ориентация на сериальность.

**Ключевые слова:** исторический роман, критерии жанра, традиция, псевдоисторический роман.

*Tatiana N. Markova*

### *RUSSIAN HISTORICAL NOVEL OF THE XX–XXI CENTURIES*

The historical novel remains the most stable genre paradigm in the 20th and 21st centuries. Russian history is projected onto the contemporary author's reality, revealing the consonance of distant eras. Cinematography, a conscious focus on seriality, is becoming an actual way of representing history.

**Keywords:** historical novel, genre criteria, tradition, pseudo-historical novel.

В контексте кризиса гуманитарной мысли XXI века особую актуальность приобретает вопрос о характере и способах художественного познания истории. Жанр исторического романа, как и романа вообще, в литературоведении вызывает наибольшее число разночтений. Научная и критическая литература на эту тему достаточно обширна, но вопросы поэтики жанра в ней зачастую решаются на ограниченном материале.

Признание за историческим романом права на существование как отдельного литературного жанра отнюдь не означает признание единых критериев, согласно которым то или иное произведение можно отнести к историческому роману. Приведем несколько примеров. Исследователь французского историче-

---

\* Маркова Татьяна Николаевна — доктор филологических наук, профессор, Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет (Челябинск); tn\_markova@inbox.ru

ского романа эпохи романтизма Б. Реизов называет историзмом «воссоздание психологии и проблематики эпохи» [10, с. 322]. Обобщая англоязычные работы по теории жанра, Т. Комаровская называет «существеннейшим качеством природы исторического романа... сопряженность времен» [7, с. 13]. С. Богданович утверждает, что «задача художника состоит в том, чтобы запечатлеть тончайшие отражения общественного хода истории в поведении и сознании людей» [3].

Исследователи исторического романа не раз предпринимали попытки создания типологии жанра. Справедливым нам представляется утверждение, что в «обширных просторах художественно-исторической литературы едва ли не каждый жанр имеет своих посланцев» [9, с. 259]. Другими словами, в историческом романе, как и в романе о современности, есть философский, семейно-бытовой, социально-бытовой, психологический, фантастический, детективный, военный роман, роман воспитания и т. д. Считаем необходимым подчеркнуть то обстоятельство, что важная вневременная функция исторического романа состоит в том, что через эмоциональное переживание истории он позволяет читателю определиться с собственной социальной и культурной идентичностью, осознать себя в неразрывной связи с прошлым своего народа.

Во всех основных направлениях русской литературы XIX–XX вв. — романтизме, реализме, модернизме, постмодернизме — отмечено присутствие исторических романов, способствующих обновлению творческого метода. Давая определение этому жанру А. С. Пушкин в 1830 году писал: «В наше время под словом «роман» разумею историческую эпоху, развитую в вымышленном повествовании» [4, с. 323]. В работах В. Белинского читаем: «Само искусство теперь сделалось по преимуществу историческим, исторический роман и историческая драма интересуют всех и каждого больше, чем произведения в том же роде, принадлежащие к сфере чистого вымысла» [2, с. 90]. Заслуженной славой пользовались исторические романы М. Н. Загоскина («Юрий Милославский», 1829; «Аскольдова могила», 1833) и И. И. Лажечникова («Последний новик», 1831–1833, «Ледяной дом», 1835). В полемике с западноевропейской романтической традицией (В. Скотт, А. де Виньи, В. Гюго и др.) утверждался реализм в русской литературе. В романе А. С. Пушкина «Капитанская дочка» история впервые становится «движительницей» сюжета. Принцип исторической обусловленности, определяющего влияния движения истории на судьбы нации и каждого отдельного человека положен в основу гениальной эпопеи Л. Толстого «Война и мир».

В начале XX века исторический роман переместился в русское зарубежье (Д. Мережковский (трилогия «Христос и Антихрист»), М. Алданов («Самое убийство»). В советской литературе взлет исторического романа пришелся на 1930-е годы — А. Толстой «Петр I», В. Ян «Чингиз Хан», В. Чапыгин «Разин Степан», романы О. Форш, С. Злобина.

1970–1980 годы ознаменовали новый этап жанровой эволюции. На повестке дня оказались главные вопросы: 1) как сопрягаются проблемы прежних эпох с современными, 2) как соотносится правда документа с вымыслом, где границы допустимости вымысла в исторической прозе.

Нам представляется справедливым утверждение В. Оскоцкого, что соотношение «факта и вымысла не знает однажды и навсегда найденных пропорций»

[8, с. 306]. Скажем, Д. Балашов филолог, фольклорист, ведет скрупулезные исторические исследования, точно следуя летописным фактам. Цикл «Государи Московские» (от Ал. Невского до Дм. Донского) — «Младший сын», «Симеон Гордый», «Отречение», «Святая Русь» — создан исключительно с опорой на летописные источники. Аналогично А. Солженицын создает свою эпопею «Красное колесо» с опорой на документальные источники.

Диаметрально противоположную стратегию демонстрирует В. Пиккуль, автор авантюрно-приключенческих романов, среди которых «Пером и шпагой», «Битва железных канцлеров» «Фаворит», «Баязет» и др. Спорные источники («Завещание» Петра I, мемуары Вырубовой), нравственно небезупречный, но очень обаятельный герой, авантюрная интрига, модернизированный слог в сочетании с неизменным интересом к истории и гордостью за отечество глубоко воздействуют на читателей.

Произведения эпохи постмодерна демонстрируют принципиально новую художественную концепцию, в ней «получает воплощение феномен «конца истории», отрицающий линейный прогресс и ориентирующий на многовариантность процессов развития, отнюдь не запрограммированных на движение по восходящей. История предстает как самоорганизующийся хаос, в котором потенциально присутствуют и творящее, и разрушительное начала» [11, с. 234]. Так, Саша Соколов в романе «Палисандрия» деконструирует советские исторические мифы, создавая их пародийный ироничный аналог. В Кремлевском интернате для детей-сирот Сталин умирает от испуга — в темной комнате ему на грудь прыгнул сторожевой пес Руслан. Фанни Каплан стреляет в Ленина из ревности, из мести за поруганную любовь. Многие члены правительства выступают в роли настоящих или бывших артистов, комедиантов, циркачей. Таким способом автор показывает иллюзорность власти, а драматическую историю России XX века превращает в театральное действо.

В критике и литературоведении возникает термин «псевдоисторический» или «квазиисторический» роман. М. Эпштейн раскрыл значение категории «псевдо»: «...преступление границ реальности, нарастание иллюзорности, что характерно для второй половины XX века, постепенное осознание мнимости предшествующих построений» [12, с. 31].

Для «псевдоисторического» романа характерна структура — «текст в тексте» или даже «тексты в тексте» [1, с. 20]. Множественность «рассказов об истории» позволяет авторам играть документами эпохи и создавать свои документы (тексты), как бы подтверждающие подлинность события. В авторской иронии современные исследователи видят не только деконструкцию истории, но и самоиронию писателя. Иными словами, скепсис по поводу исторического знания распространяется и на самого автора, который отказывается от монологической истины, иронией испытывает и собственную версию. Такой подход отменяет детерминизм, заданность истории, просвещенческую трактовку, вскрывает опасность утопизма, повышает внимание к категории случайности, непредсказуемости истории.

Постмодернистский «псевдоисторический» роман занял свою нишу в литературном процессе конца XX века. Еще одно тому доказательство — отказ Б. Акунина от жанровых экспериментов и полюбившихся читателям героев

как реакция на новые запросы общества. Его проект «История российского государства», начатый в 2013 году и рассчитанный на 10 лет, сопровождается художественными произведениями, отражающими заданную тему. Несмотря на жёсткую критику, Б. Акунин настойчиво реализует идею неразрывности истории и литературы, физически (в два отдельных тома) разделяя каждую эпоху на «якобы историческую» и «якобы художественную». Его «История российского государства» не может быть причислена ни к историческому исследованию, ни к историческому роману. Тем не менее попытка создать параллельное повествование на основе документальных источников само по себе является увлекательным и небесполезным чтением.

Появление в начале XXI века ряда масштабных эпических произведений на историческую тему ставит задачу их жанровой «идентификации». Если с приходом постмодернизма на рубеже веков мы констатировали разрушение жанровых канонов, то сегодня нельзя не отметить признаки возвращения к традиции. На смену «псевдоисторическому» роману приходит роман, обладающий признаками постмодернизма.

Это «неисторический» «Лавр» Е. Водолазкина, его же «Оправдание Острова», роман-травелог «Поезд на Самарканд» Гузнь Яхиной, роман-пеплум «Тобол» Алексея Иванова, «Возвращение в Египет» Владимира Шарова. Все они являются историческими, несмотря на то, что только «ленивый» не прошёл по текстам в поисках несоответствий историческим фактам.

Художественный эксперимент в современной словесности нередко соединяется с глубоким знанием предмета; работа писателя над историческим романом сопровождается изучением рукописей, летописей, мемуаров, писем, документов эпохи. Напомним, что В. Шаров — кандидат исторических наук, В. Пьецух — учитель истории, Е. Водолазкин — профессиональный исследователь русского средневековья.

Автор романа «Лавр» отказывается от традиционных жанровых канонов. И хотя большинство современных критиков (В. Я. Курбатов, И. П. Золотуский и др.) считают этот роман историческим, Водолазкин отвергает такую трактовку. Он называет свое произведение «неисторическим романом», подчеркивая, что главное в «Лавре» — не достоверность событий (хотя автор опирается при написании на летописные тексты, Александрию, хронику Георгия Монаха, тексты Шестоднева и Физиолога), а внимание к «вневременному» человеку, которого автор поместил в Средние века. Роман, бесспорно, тяготеет к агиографическому жанру. И житийная традиция здесь удачно сочетается с историческим романом. Читателю предъявляется не собрание достоверных исторических фактов, а история одной души, роман о русском человеке, изъятый из ловушки времени, роман о вере, истине и любви.

Эксперт по литературе Древней Руси, Водолазкин в другом своем романе искусно стилизует историю Острова под летописи, под «Повесть Временных лет». «Оправдание Острова» — это оправдание всей истории человечества за последние две тысячи лет, это не Россия и не Византия, это всё вместе, модель общеевропейской истории [5]. Историю Острова пишут, сменяя время от времени друг друга, хронисты — православные монахи. Сюжет романа разворачивается от раннего Средневековья до наших дней. Здесь и средневековые

междоусобицы, и иноплеменное иго, зарождение и распространение либеральных идей, кровавая революция, тоталитарный режим, «оттепель», война, экологическая катастрофа, проснувшийся вулкан, а в финале — сбывшееся древнее пророчество, текст которого был утерян в Средние века и найден лишь в наши дни.

Книга представляет собой притчу о сути времени, его текучести и непрерывности, о смысле истории, движимой своими внутренними ритмами — от созидания к довольству, от довольства к усталости, жажде перемен, от усталости (энтропии) к озлоблению, от озлобления к разрушению. Взгляд хрониста и комментарии княжеской четы долгожителей Парфения и Ксении — это *взгляд сверху*, по выражению Водолазкина, тогда как сегодня мы имеем дело со *взглядом сбоку* [5].

Роман Г. Яхиной «Эшелон на Самарканд» рассказывает о голоде в Поволжье в 1923 году. О подлинности событий в романе ведутся горячие споры. Так, Г. Юзefович не считает роман историческим в полном смысле слова — «ни на уровне фактологии, ни на уровне психологической достоверности». «Из реальной национальной и общечеловеческой трагедии, — пишет критик, — писательница конструирует жизнеутверждающую притчу в исторических декорациях» [13]. Несмотря на то, что в конце книги Яхина приводит полный список использованных источников о достоверных событиях, ссылок на архивные документы, труды историков, воспоминания современников, призванных создать атмосферу «исторической правды», её роман, действительно, производит впечатление масштабного коллажа фактов и домыслов.

Многостраничную эпопею А. Иванова «Тобол» отличает оригинальность структуры, видоизменяющая во многом жанр исторического романа и демонстрирующая ориентацию писателя на его преобразование в формах киноискусства. Как следует из интервью автора, роман писался по собственному сценарию восьмисерийного сериала об истории Сибири [6]. Думается, это обстоятельство объясняет кинематографическое видение событий, акцентированную визуальность образных составляющих (пейзажей, архитектурных зарисовок, картин быта) и, главное, захватывающий драматизм в развитии сюжета, во всех его линиях, с мощной энергетикой действий и диалогов героев. «Тобол» — это попытка создать «роман нового, современного типа, исторический роман игрового характера» [6], где сама форма повествования идет из кино, от драматического сериала, именно поэтому А. Иванов называет в подзаголовке «Тобол» «романом-пеплумом», жанром, хорошо известным в кино.

Все вышесказанное свидетельствует о том, что исторический роман остается наиболее устойчивой жанровой парадигмой и в XXI веке. Русская история в прозе современных писателей проецируется на сегодняшнюю реальность, обнаруживая созвучие удаленных друг от друга эпох. Привлечение исторических документов выполняет многообразные функции: они формируют фабулу, выступают в качестве одного из языков описания ушедшей реальности, представляются знаками определенной эпохи и т. п. Современный писатель свободно экспериментирует с формой исторического романа. Среди актуальных способов художественной репрезентации истории в настоящее время отметим кинематографичность, сознательную ориентацию художника

на сериальность. Важной вневременной функцией исторического романа остается то обстоятельство, что через эмоциональное переживание истории исторический роман помогает читателю определиться с собственной социальной и культурной идентичностью, осознать себя в неразрывной связи с прошлым своего народа и человечества.

## ЛИТЕРАТУРА

1. Ащеулова И. В. Постмодернистский «псевдоисторический» роман: стратегии жанрового развития. URL: [https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/49566/1/dc\\_2006\\_2\\_003.pdf](https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/49566/1/dc_2006_2_003.pdf) (дата обращения: 15.05.2023)
2. Белинский В. Г. Полн. собр. соч.: в 13 т. Т. 6. М.: Наука, 1955. 799 с.
3. Богданович С. Специфика жанровой доминанты современного реалистического исторического романа. URL: <https://libr.msu.by/bitstream/123456789/14455/1/5472n.pdf> (дата обращения: 15.05.2023)
4. Гуковский Г. А. Пушкин и проблемы реалистического стиля. М.: Гослитиздат, 1957. 416 с.
5. Интервью «Мы планируем жизнь по минутам, а в Средневековье даже не было часов»: Евгений Водолазкин о времени, вечности и новом романе. URL: Forbes Life (дата обращения 30.04.2023).
6. Интервью РИА Новости писателя А. Иванова. URL: <https://ria.ru/20161213/1483472682.html> (дата обращения: 15.05.2023)
7. Комаровская Т. Е. Осмысление прошлого в американском историческом романе XX века. Минск: Мин. гос. пед. ин-т, 1993. 107 с.
8. Оскоцкий В. Д. Роман и история: традиции и новаторство современного исторического романа. М.: Худож. литература, 1980. 384 с.
9. Пасюкевич И. В. Художественное своеобразие исторических романов Томаса Кенилли. Минск: БГУ, 2013. 518 с.
10. Реизов Б. Г. Французский исторический роман в эпоху романтизма. Л.: ЛГУ, 1958. 323 с.
11. Скоропанова И. С. Русская постмодернистская философия: новая философия, новый язык. СПб., 2002. 415 с.
12. Эпштейн М. Постмодерн в России: литература и теория. М.: Изд. Р. Элинина, 2000. 367 с.
13. Юзефович Г. Рецензия на роман Г. Яхиной. URL: <https://meduza.io/feature/2021/03/13/eshelon-na-samarkand-guzel-yahinu-obvinili-v-plagiate-no-problema-romana-ne-v-etom> (дата обращения: 15.05.2023)